

СЕГО



● Байкал.

Фото А. Сизухина.

27 августа 1988 г.

Начало экспедиции с Полом Уинтером, американским композитором, создателем экологической музыки.

На Байкале он не в первый раз, приезжал сюда и зимой, и летом, и со своей концертной группой, и с американскими защитниками природы, из которых мне запомнился Марк Дюбуа, высокий решительный парень, удивлявший иркутян открытой при любых минусах головой. У себя на родине Марк Дюбуа известен тем, что, спасая от гидростроителей свою родную реку, приковал себя к скале и добился сначала интереса прессы, а потом и спасения реки.

Пол Уинтер собирается писать о Байкале большое произведение, главным героем которого должна стать нерпа. Он использует в своей музыке природные шумы и голоса животных, на его саксофон отзывались киты и продолжали мелодию волки. На Байкале он

Валентин Распутин:

Из «Байкальского дневника»

надеется записать голос нерпы. И, конечно, окунуться в стихию Байкала не с туристского пятка в поселке Лиственничном, куда партия за партией вываливают иностранцев, а вволю покачаться на нем, понюхать и послушать.

Для поездки мы арендовали у пароходства «Байкальский-3» внушительный буксировщик-теплоход морского типа, который больше десяти лет, пока строился БАМ, не знал от работы продыху. Теперь, когда бамовская страда прошла, приходится расплодившемуся байкальскому флоту караулить, а нередко и урывать друг у друга любое заделье, вплоть до извоза алкающих Байкала, таких, как наша, живописных групп.

Она живописна не столько составом, хотя и по этому разряду представляет рядовое явление: среди нас четверо японцев, журналистов и сотрудников фирмы, которая выпускает диски Пола Уинтера; киногруппа из АПН, воспользовавшаяся оказией, чтобы поснимать Байкал и знаменитого композитора; московский друг Пола, пропагандист его музыки в нашей стране Борис Переверзев, а в Сарме, на родине упоминавшегося байкальского ветра, нам предстоит взять на борт Семена Устинова, иркутского ученого-охотоведа, знатока Байкала, без которого наше путешествие потеряло бы половину.

Если выстроить нас, представителей разных стран, в ряд — а мы в ряд на борту и выстроились, когда судно отчаливало от Лиственничного, — да попробовать по нашим фигурам и лицам определить, что же свело нас вместе на этой громоздкой посудине, которой полагается таскать баржи или плоты, то по многим признакам должен был явиться вывод, что на Байкале затеваются съемки кинокомедии, что-нибудь вроде новой «Волги-Волги». Каждый из нас в отдельности мог казаться достаточно обыкновенным и серьезным человеком, но все вместе мы, словно подобранные опытным режиссерским глазом для противопоставления друг другу, являли компанию, один вид которой вызывал улыбку и заставлял гадать, по какой же части это общество станет отмачивать номера.

Отплыв, мы чуть было не вернулись. Меня срочно вызвали в рубку к капитану, где белее снега стояла ответственная за стол, шеф-повар Галина Васильевна, в последнюю минуту узнавшая, что во вверенном ей пассажирском составе двое вегетарианцев, один из которых не ест даже рыбу, а второй не пьет даже чая. И это были, конечно, не советские граждане.

Комедь начиналась. «Чем я их стану кормить, чем? — восклицала потрясенная Галина

(Окончание на 4-й стр.)

4001

Сов. культура - 1989 - 1 апр. - с. 1, 4.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Васильевна. — У меня мясо, консервы, японская ветчина в банках. Нет, списывайте, не поеду. Я бы знала, я бы разве согласилась?»

Пришлось употребить решительность. Не пьет чай? Пусть пьет воду, пусть хоть заглянет Байкалом, от него не уйдет. Не ест рыбу? Пусть ест эдакую канадскую. Что это такое? Водоросли. Вон все байкальское дно в эдакие, ученые расплодили. Можно всю Японию накормить.

Эдакая канадская успокоила Галину Васильевну, все заграничное, пусть даже и на дне Байкала, внушает нам уверенность.

Слушаясь вниз, я услышал трели соловья — да такие залихватские, такие восторженные, что, боясь поверить и вспугнуть, осматриваясь и вспоминая, где я, невольно приостановился. Оказалось, что Пол поставил каскету с птичьим пенем. В салоне говорили о китах. Такими Хара, один из японцев, старший редактор газеты «Майнити» пять лет назад написал о китах книгу, она так и называется — «Киты» и пользуется в Японии популярностью. Хара уверен, что до его книги примерно только пять процентов японцев были против употребления в пищу китового мяса, а сейчас — не меньше половины населения. А ведь японская провинция традиционно приучена к этой пище, ей неперосто от нее отказывается.

Борис Перевезев с интересом переводил. Галина Васильевна, хлопотавшая в углу возле электрического самовара, то и дело замирала, прислушиваясь, и исподтишка косилась на другого японца, который не ел рыбы, подозревая его, должно быть, в китоведении. Тот, точно Будда, был неподвижен и смотрел на Байкал, где набралась волна.

От китов разговор перешел к волку. Пол рассказал, что отношение к нему как к вредному и опасному животному в мире постепенно меняется. Быть может, и его музыка, особенно «Глаза волка», где песня сакофоне на раз подхватывается голосом волка, сыграла в этом определенную роль. На концерте Уинтера в ООН, после того как прозвучала «Глаза волка», огромный зал завыл, подражая животному. Свет был погашен, и дипломаты в темноте, то ли вспоминая, то ли забыв себя, согласно и восторженно выдвигались, бурлили. Галина Васильевна сидела возле него привороженно. Воющие дипломаты ее доконали. За час одна она была переполнена впечатлениями, а нам предстояло байкальски вместе десять дней.

Но страхи ее по поводу вегетарианцев оказались сильно преувеличенными. Пол прекрасно вместо часа швыркал голыши и кипиточки, заставляя нас при этом всякий раз вспоминать, что его отец дожил до ста лет, а мать в 76 кушает на Гавайях вместе с китами. Японский вегетарианец запаса пакетами чуть ли не с птичьим кормом, и мы из любопытства помогали ему клевать содержимое в них сладкое крошечко. Впрочем, и стряпуха из Галины Васильевны оказалась отменной.

28-е

Дождь. Сырая белизна неба, холмодная взбудуренность воды и в тумане развесь берегов. Дождь разбрызгивается от полотна моря, как от тверди.

Зашли в Сарму за Семеном Устиновым. Постоянно светящийся от какого-то внутреннего лада, Пол Уинтер, объяснив нас с Устиновым, зашелся еще больше. Едва ли осталось что-нибудь в Байкале и прибайкальском тайге, не бы Устинов не знал. Читая его книгу о медведях или лосих одно удовольствие. Крупный и выхожденный байгой, в которой он пронаеет не одно десятилетие, до удивительного спокойствия и добродушия, до самого только необходимого в теле, а потому легкий на ногу, поднимающий и несущий себя без усилий, он остался в том немногочисленном экземпляре сибиряка, на котором природа не сэкономила.

В первый же день, послушав Семена Устинова, Хара отозвался о нем: искусствовед природы.

Пол, не умеющий терять время, включил каскету с записями журавлей. Сибирских Устинов тотчас узнавал. Беда в том, что их становится все меньше и меньше. Полностью исчез на Байкале баклан, только Бакланьи острова в Ивдельском заливе продолжают говорить о местах их многочисленных гнездовий. Величайшей редкостью стал черный аист. На северном побережье исчезает в озерах турпан. Не встретить больше на Байкале серого гуся, дробу, гоменика, сухоноса. И все это в последние десятилетия.

Чтобы отвлечь нас от тяжелого настроения, Пол стал рассказывать, как он однажды летел к себе в Иконию с четьрьмя яйцами сибирских журавлей, которые собирался подложить в гнезда журавлям американским. И вдруг изпод сиденья, где стоял инкубатор, послышался писк. Сибирские птенцы решили появиться на свет божий в воздухе. Полу ничего не оставалось, как, приняв первых двух новорожденных, сунуть их в руки соседу. Тот был в ужасе и одновременно в восторге, пока Пол не справил свои акушерские обязанности и не водворил семейство в колыбель.

Оказалось, что на 1000-невоной японской банкноте изображен журавль, что вызывает, по мнению Хара, сочувствие и любовь к животным.

...В Хужире, в самом большом поселке на Ольхоне, уже и не дождь, а бус, мелкое мокрое сево. Купили хлеба, выменяли на водку омуля и уже в сумерках обошли остров вокруг его северной оконечности. Около полуночи, поднявшись на палубу, Пол исполнил «Кольбельную для Байкала». Было очень тихо, прожектор выхватывал из темноты часть скалы, наплескивала волна, и мелодия как бы возникала из шума волны и ею же заканчивалась.

29-е

Узур, одно из самых древних поселений человека на Байкале.

Вблизи речки раскопки, и довольно широкий, среди гор, небольшой поселок с метеостанцией и научными станциями двух иркутских институтов. С той и другой стороны обрывистые стены гор. Ничего удивительного, что вкусы древнего человека и иркутских ученых совпали: более благоприятное и «приятное» места на Ольхоне, пожалуй, нет. Тепло, открытое от восток, всеяде в солнце и без солнца, разудранно, сосняком, как бы втягивающее посмотреть, так ли красиво и дальше, в глубине острова.

Подшли утром на шлюпку, подтянуть ее помог стоявший на берегу молодой бурят в резиновых сапогах, назвавшийся Антоном Иршовым, лаборантом с научной станции. Пол, осмотревшись, пошел с инструментом к левой скале, и через десять минут оттуда зазвучала мелодия, подхваченная эхом с одной стороны, перехваченная с другой и унесенная в Байкал. Это был какой-то отчаянный зов, словно бы в первый раз повторенный с той поры, когда здесь, кроме гор, не было ни одного живого существа, и горы, поймав и усилив звук, возвещали о своей готовности принять жизнь.

К нам подошел еще один бурят, покойной, Иннокентий Вадевич Ишутов, привлеченный экзотическим, обещанным аппаратурой, деантом. Москвичи принялись расспрашивать, действительно ли буряты сжигают до сих пор мертвецов. Оба подтвердили: да, сжигают, когда старики сами об этом просят. Они заранее выбирают для себя сухую лесину, ее потом спливают, делают нечто вроде сруба, который обкладывают хворостом, и находящийся внутри сруб тело предаот огню. Так душа быстрой достигает неба.

не к есеств

ИЗ «БАЙКАЛЬСКОГО ДНЕВНИКА»

Валентин

Распутин



Меня интересовала нерпа. Скелет одной из них валялся на берегу. В последнее время известия о массовой гибели нерпы шли с разных концов Байкала. То же самое происходило с тюленем на Балтине и в Северном море. Ученые горлопиво объясняли: инфекция. Но и инфекция с неба не берется, для нее нужны благоприятные, а для нерпы неблагоприятные условия, которые способствуют болезни. Спасаясь от нее, нерпа вылезает на берег, идет зацить у человека, кричит и в конце концов застывает. Антон подхватил: пройдите вдоль берега, и на каждом километре вы найдете одну, а то и две нерпушки, выброшенные морем. В декабре, когда Байкал подмерзал, их колонии по двести — триста штук одновременно выплывали на лед, будто бились чего-то в воде. Раньше он ничего подобного не видел.

Чтобы съездить на Саган-Хушун, святое для бурят место, мы выпросили у завхоза грузовой вичок, сгрузили на него со всем скарбом и тронулись мимо чистых сосняков, чистого покровя степи с пучками крапивы, миновали две кошары и, когда казалось уже, что ледник под обрыв, остановились. Тут и выбрал я место для покойствующего Чингисхана. Сюда бы и приволил я грешников всякого рода, чтобы видели они, против какого мира идут войны; здесь находить слабым душам утешение, больные — выздоровление, чрезмерно здоровым гордыней и самомнением — усекновение.

С этой скалы трудно смотреть на Байкал — так переполнен он силой, мощью, небом и водой, так великограден он по сторонам, где протягиваются горы, и великоможен могущественным и таинственным путем посредние. При виде этой картины приходят в сматнение чувства и жалкуют ум.

По узкой тропе, висящей на последних метрах над бездной, мы прошли в пещеру. В конце августа на тропе подснежники. Пещера просторна и как бы о двух комнатах — прихожая и направо боковуха с дьрой в небо. Следов кострища нет, в пещере чисто, в простоте слова, вероятно, загонали в непогодю овец, а еще раньше танились люди. Мистический дух, мистические приметы. Пол попросил Ишутова спеть по-бурятски, подхватил его древний напев на сакофоне, и это еще больше усилило ощущение нереальности.

Когда поднимались к машине, Борис Перевезев спросил, верю ли я в переселение душ. В другом месте позволительно не верить, здесь лучше быть осторожным. Здесь ты невольно чувствуешь, как тебя втягивает и уносит во что-то иное, чем ты есть, здесь ты подозреваешь, что кто-то за тобой внимательно следит.

После обеда снялись с якоря и при сильной волне, по черной, мрачной вбуче воды двинулись к Ушканым островам. Чем ближе подходили, тем больше и явственней Большой Ушканий высосывался в фигуру огромного оостера, плывущего от полуострова Святой Нос.

30—31-е

На островах. Называются они Ушкаными потому, что когда-то во множестве водились тут зайцы, которых в Сибири называют ушкаными.

Ушканы острова — одно из чудес Байкала. Много в нем чудес, один из которых вызывает удивление из-за их необычности, другое уважение — от изобилия или величия, третья омпание — от необычного воздействия при обыкновенных, казалось бы, фигурах, четвертые поклонение — от желания прикоснуться, впитать и вдохновиться. Ушканы острова притягивают всех — и ученых, которые не могут надвинуть их происхождению и особенностям и которые по позднему «следу» этого архипелага пытаются вывести к геологическому началу Байкала; и туристы, готовых, как камни Коллеза, растащить удивительных расцеток и форм мраморные оагыши по берегам; и любителей поглядеть на огромные муравейники в человеческий рост, а также на белые муравейники, сплошь из мраморной крошки, и помочить ноги в мраморных природных ваннах на южной оконечности Большого острова. Но Ушканы притягивают еще и нерпу, здесь, на «ушканычках», трех маленьких островах, ее самое большое на Байкале лежбище, «пляж», где десятками и сотнями она выбирается на камни и греется на солнце. Поэтому нам миновать Ушканы было никак нельзя: уж если где при-

смотреться к «героине» да попробовать послушать ее, так только здесь.

В первое утро корабль бросил якорь напротив метеостанции, и тотчас с берега снялась и подбежала к нам лодка. Александр Тимохин, гидролог, работающий на метеостанции уже десять лет, без разговоров согласился сопроводить нас на Кружный — тот из «ушканычов», который особенно любим нерпою.

До него выстремилось километров пять в сторону Святого Носа. Паопать туда хотелось всем без исключения, но на нашей шлюпке то и дело залгхал мотор, к тому же она гонилась, чтобы пугать нерпу, а не искать ее общества. — Пришлось Тимохину делать три рейса. С первым отправился Пол, звукооператор, кинооператор и режиссер.

Особый блеск и живиность нашей экспедиции придавала вся эта аппаратура — снимающая, принимающая, записывающая, воспроизводящая, дублирующая и так далее. Она удела все, вплоть до того, как мне казалось, что сама выдумывала изображение, сама его снимала и сама потом миловала или казнила. И стоила она бешеные деньги. Наблюдать за погружкой в лодку было и жутковато, и интересно. Человек при этом был предметом третьестепенным, меньше всего отправляющихся спасаясь от нее, нерпа вылезает на берег, идет зацить у человека, кричит и в конце концов застывает. Антон подхватил: пройдите вдоль берега, и на каждом километре вы найдете одну, а то и две нерпушки, выброшенные морем. В декабре, когда Байкал подмерзал, их колонии по двести — триста штук одновременно выплывали на лед, будто бились чего-то в воде. Раньше он ничего подобного не видел.

Мы с Устиновым прибыли на Кружный со второй группой и схали вполне по-человечески, не молясь на окуляторы. Подчалили с севера, осторожно вышли и так же осторожно, чтобы ненароком не вспугнуть должностующих блаженствовать на камнях нерпушек, перешли по тропке на юго-восточную оконечность. Иди пришлось недалеко, островок был так себе. Последние десятки метров крались согнувшись, я всматривалась в валуны на берегу, гадая, какой из них первым зашелвись, но смотреть надо было на воду. Нерпа выныривала недалеко, порой одновременно по пять-шесть голов, которые плавали черными шариками, то скрываясь, то снова появляясь, одна добралась совсем близко и, высунувшись, вдруг чихнула совсем по-человечьи, смуглилась и исчезла. Подошедший Пол дал мне бинокль, в него видно было, как, вспарывая воду, на огромной скорости, будто торпеда, двигается она на глубине.

Мы просидели в ожидании часа полтора, но нерпа по-прежнему не являлвля охоты сушиться. Начало поддувать, и бухта помырлась морщию. Пол пошел на последнее средство, он встал в рост и закричал: «Славное море, священный Байкал!», то, что самого последнего рачка должно было заставить явиться пред нами для исполнения. Нерпа не явилась.

На второй день повелось больше. Солнце действовало на нее сильнее, чем «Славное море», и без особой описки она принялась оседлывать отполированные ею же валуны, забавно перебирая ластами и рывками заталкивая себя все выше и выше. Наблюдать ее не составляло труда для вооруженным, что невротажным глазом; микроскоп удалось соорудить совсем рядом, запись шла часами, но ничего, кроме пыхтения да чмокающей о камни волны, не принесла.

Однако Пол и этим был доволен. Он видел нерпу, можно сказать, познакомился с нею близко и утвердился в своем решении: быть ей в священной истории, которая зазывает байкальскую музыку, завораживает красавицей. Теперь дальше. Маршрут у нас такой: Баргузинский заповедник, где Семен Устинов когда-то проработал пять лет, так что его знают, он знает и нам помогут узнать; затем на обратном пути — недавно созданный Байкало-Ленский заповедник на западном берегу, где тот же Семен Климович теперь работает заместителем директора по науке. После этого снова Ольхон, но уже не за омуляем, а за бурятской стариной, и в конце самое неприятное — Байкальск, где целлолозный комбинат, вепаление от которого должно сгладиться самим Байкалом за те четыре часа, пока мы станем перебраться к Лиственничному.

1 сентября

Вышли в ночь на Давшу (Баргузинский заповедник), и уже показывало.

Прогноз был — северозападный ветер, т. е. ангара. Среди ночи проснулось от грохота и глуда, судно подбрасывало и обрывало, что-то на нем каталось, и издала набегающий и отбегающий громоток, что-то тужило скрипело. И что-то с теми же неприятыми звуками каталось внутри меня, я понятия прежде не имел о морской болезни, хотя и попалал здесь же, на Байкале, в передельку, но на этот раз наше знакомство состоялось. Промаялся до рассвета, с трудом, хватаясь за переборки, по полз в рубку. Новость: в Давшу мы не попали, судно, боясь подставить борт при переходе на восточный берег, вынуждено двигаться прямо против ветра на север. Берегов не видно, все залесано валом. Это и не вал, а горы шли одна за другой, в которые врезался,

вставывая, вскидываясь, и грузно шлепался обратно корабль. Водой залескивало всю верхнюю палубу, бросало в стекло рубки. Затем, когда стали появляться берега, и они казались наплывающими волнами.

А и волна-то — 3,5—4 метра. То ли быва-ет! Но и это, объяснил старпом, предел судоходства на Байкале.

Часов в десять стало успоаиваться. Накаты сделались ровнее, но вдруг навалит через две минуты на третью такую матушка, что хоть караул кричи.

Ложкая шлювальку до 12-го часа.

«Ветером — разговор о животных, о том, чему они нас могут научить. Первые человеческие сообщения, говорит Пол Уинтер, по мнению некоторых ученых, создавались по типу волчьих стай. На территории Европы первобытный человек оказался отрезан ледниками от старых охотничьих угодий, когда он мог добывать себе пищу индивидуально. Но жил он в соседстве с волками и, наблюдая за ними, а их популяция и организация были старше, стал по их типу сбиваться в содружества в 15—20—25 человек и охотиться.

Устинов: зверь не умеет лукавить, он всегда откровенен, коварство зверя выдуманно человеком. А посмотрите, насколько рационально и умно устройство его жизни, он никогда не возьмет у природы ничего лишнего, только самое необходимое. А как он заботится о потомстве, как радуется жизни, как красив, некрасивых зверей не бывает, сколько в нем достоинства!

Договорились до того, что лучше быть зверем, чем человеком.

В японской команде с нами была Е Накагава, журналистка, пишущая для разных журналов о музыке. Маленькая, как подросток, и яркая, как бабочка на восточных травах, она все эти дни буквально обирала от восторга — и от Байкала, и от наших рассказов о нем. Затягивая воздух, она давилась им и словно бы вздымалась, налаживая дыхание. Теперь я знаю, что «глаза сделали круглыми» — это не просто образ, а факт; в какое же надо было приходить волнение, чтобы восточные глаза Е Накагавы то и дело округлялись, пока Семен Устинов рассказывал о своих наблюдениях над байкальскими животными.

Борис Перевезев записывал. Полу все это пригодится. Кроме нерпы, ему понадобится сопровождение из самых достойных представителей байкальской тайги.

2 сентября

Мыс Покойники.

На Байкале два мыса Покойники и два поселка с этим малоинтересным названием. Один в Чивыркуйском заливе и второй здесь. По преданию название это пристало, а потом и перенесено было на карты после массового отравления жителей оостром. Так ли это, трудно сказать. Осетр теперь в Байкале стал такой же редкостью, как Несси в загадочном озере. Но здесь вероятней всего имя перешло от реки Покойниковой, имеющей основания для своего названия: она оживает только весной и летом после сильных дождей, а затем снова и снова пересыхает.

Метеостанция стоит не на мысу, а в красивой излучке с глудоким лугом. Здесь же лесная охрана Байкало-Ленского заповедника, самого большого на Байкале, площадью в 660 тысяч гектаров и береговой линией в 120 километров. Самое отдаленное: тут и вода в трехкилометровой зоне под охраной, а в Баргузинском или Байкальском заповедниках вылезет какой-нибудь рабобойник в шаге от берега — и закон будет ним бессилею.

Байкало-Ленский еще полностью не сформирован, только определены его границы. Там, где дело касается охраны, в России заведено не торопиться. Два года как вышло решение о создании двух национальных парков на Байкале — с бурятской стороны и с иркутской, а там и там все еще запрягают. Ольхон недавно был свободной территорией, затем стал заказником, сейчас это национальный парк, но от вывесок ничего не меняется, и чем он был, тем и остался. По-прежнему рубят там лес, выдирают, кому не лень, чабрец, безо всяких ограничений валят через парничную переправу колонны машин.

За Байкало-Ленский заповедник надо сказать спасибо Олегу Гусеву. Не ему одному, но прежде всего ему. Иногда и добрые старания приводят к успеху. Годами обмерал и описывал, и первым помощником был ему в этом Семен Устинов (ходит по кабинетам, доказывал — и вот поди ж ты, получишь!).

...И вдруг огненный шар впереди на горизонте по пути на Ольхон — алое зарево с зеленым лучом. Он все разрастается и разрастается над Малым морем, пока не превращается в радугу, еще шаровую, но удлиняющуюся и поднимающуюся в небо. И только минут через десять на западном берегу появляется второй конец радуги.

Справа вода черная, слева к востоку темносиняя, впереди под закатом малиновая и позади серебристая. Западный берег разрисован туманом, он висит так близко и так бело, что слепит глаза.

3 сентября

Снова Хужир.

Пришли рано утром, побывали в краеведческом музее, удостоверились по материалам совместной советско-американской археологической экспедиции, производившей раскопки на Ольхоне, что сибиряки и американцы — близкая родня, когда-то сообщавшаяся между собой, и весь день готовили костер с бурятскими песнями. Режиссеру очень хотелось шамана, ему показали на одного — низкорослого, суевливого, который якобы втихомолку занимается... В самодеятельности участвовали школьники, пошли к учительнице, она согласилась уговорить и привести вечером своих девочек.

Костер — значит омуль на роине. В лесничестве взяли разрешение на костер (национальный парк), привезли дров. И отправились в сумерках на Шаман-туру, священное когда-то у бурят место километрах в полутора-двух от поселка. Операторы, осветители, звукооператоры, фотографы, японцы, американцы, москвичи, иркутяне — кавалькада получила внутренняя, она вызвала интерес даже все на свете вышедших хужирцев, особенно собак.

Байкал лежал спокойно, как в блюде, чайки на воде сидели высоко и вяло. Видно было так далеко, что верилось — до конца, до горных гряд со всех сторон. Замер и воздух, в его ошутимой просте дождя плоти не дышало, а плылось.

От Шаман-камня спустились тем же торжественным маршем к Бурхану, к священной скале, сивое которую ведет пещерный ход. Шаманы когда-то входили в скалу с одной стороны и, являя чудо, выходили с другой. Наш шаман, вступивший в роль с подозрительной и необыкновенной охотой, принялся объяснять старину — Пол внимательно слушал, Борис Перевезев стоял с приготовленным блокнотом: но, ничего толком не объяснив, сбился, запутался, и ясно стало, что он за шамана. На обратном пути в гору двух девочек отозвали в сторону невест окуда завязались мальчики и повели следовать за собой. Как выключился, эти-то две девочки с русскими лицами и назвали каким-то образом несколькими бурятскими песнями, а оставшиеся три буряточки языка своего не знали.

И когда стемнело и попробовали пить, ничего не вышло. Была тут и старушка-бурятка, бабушка одной из девочек, она обрывками кое-что помнила, начинала и спотыкалась. Наш шаман наконец решительно заявил, что без бурзяны на этой горе и обыкновенного слова произносить не полагается. И его бурзяны, как на грех, забыли на корабле. А корабль, как на грех, отошел от пирса и встал далеко на рейде. Отправили машину сигнальщи, но на это потребовалось не меньше часа, за который несколько раз вставали в ехор (бурятский танец), пробоавали, взвизывая за румы, двигаться вокруг костра, но слов никто не знал, меры стрекотали над беспомощными движениями. Шаман повелительно покрикивал, мальчик лет четырех, сын учительницы, глядел на все это с открытым испуганым ртом.

Привели наконец водку. Шаман торлопиво принялся брызгать в костер, окуная пальцы в кружку, дал побрызгать Полу, вышел, оживился еще больше — и уже не было ему никакой удержу. Снова пытался пить и снова безуспешно. Кочились тем, что устались омулем на роине, только это и получилось на славу, потому что руководил этим Семен Устинов, и вздился под крики шамана потихоньку отступать в темноту.

Байкал лежал в сплошной темноте, слабо мерцая под мрачным небом. Особенно стыдно было перед ним, перед Байкалом, за все это шутство.

Вернувшись на корабль, спохватились, что нет Пола. Пришел он через полчаса. Высмотрел еще днем афишу, что сегодня «Вечер молодежи», и зашел на обратном пути взглянуть, что это такое. «И что?» — допытывался я. Он ответил не сразу и неохотно, лицо у него было помрачневшее. Гремел примитивный рок, дергался мальчишки и девчонки. «Зачем это здесь?» — он не спрашивал, и отвечать не понадобилось.

Но было, было: когда зашел в темноте с горы сакофон Пола — отозвался весь Байкал; эхо звучало чисто, широко и мощно. На настоящее — настоящим.

5 сентября

Рано утром подошли к Байкальску. Дождь. Дым от комбината гнет к земле и воде и стелет, как грязный туман, по Байкалу.

Пол сыграл на этом фоне «Песнь протеста», которую он исполнил в Большом Каньоне месяц назад в резервации индейцев, страдающих от урановых рудников. Потом сказал, не стыдись громких слов, что Байкал и Большой Каньон не только похожи друг на друга, но пусть будет похожей и их судьба в том, чтобы вечно служить им красоте и радости.

Все до единого выстроились мы на палубе, взирая на комбинат, и долго смотрели на него с той оманельностью, когда сознание отказывается понимать случившееся.

На фоне экологических драм последних лет судьба Байкала выглядит, пожалуй, более легкой и менее благополучной. И хотя Байкал по-прежнему вызывает среди ученых, все же глас общественности несколько приумолк после известного постановления, которому вот-вот грядет вторая годовщина. Эти два года ввели и справедливое решение об исключении из природоохранных проектов строительство сточного трубопровода в Иркут, и ряд конкретных мер по снятию экологического пресса на «священное море».

Но по-прежнему возсе дымят трубы БЭБН, по-прежнему отравленные стоки попадают в чашу хрустальных вод. Самый важный пункт правительственного постановления о перепрофилировании комбината на Байкале все еще находится в стадии дискуссии и торжения. До сих пор не решено будущее капитальных строки на берегу озера. Под вопросом и создание в другом месте компенсирующих мощностей. Руководители областного ранга ссылаются на отсутствие четкой позиции в действиях Минлеспрма, которому невозможно не выполнить постановление и в то же время трудно растаться со своим детисчем — комбинатом. Нервозная обстановка царит в Байкальске, где коллектив целлолозников фактически находится в неведении. Отсюда рождаются все новые и новые предложения о судьбе комбината, в которых перепрофилирование трансформируется порой в очередной перечень мер по снижению вредных сбросов и выбросов.

Однозначная позиция «Байкальского движения» в Иркутске, настаивающего на безусловном выполнении постановления. Это нашло свое отражение в наказах многим народным депутатам СССР, Валентин Григорьевич Распутин избран депутатом от творческих союзов. В его предвыборной программе главенствующее место заняли вопросы экологии и, конечно, проблема полноценной защиты Байкала. Писатель постоянно в центре всех событий, связанных с «голубым оком России». На протяжении многих лет он ведет своеобразный «Байкальский дневник», где находит отражение каждая встреча с чудом природы, мысли, навеянные им.

Передавая в «Советскую культуру» фрагменты из этого дневника, В. Г. Распутин отметил, что Байкал по-прежнему в центре его внимания. Это найдет отражение и в новой художественно-публицистической книге, посвященной Сибири.

В. ИВАШКОВСКИЙ.
(Наш соб. корр.)

ИРКУТСК.

НА ФОТОКОНКУРС

● А. ЛАШКОВ. «Славное море, священный Байкал...»

